

Капля крови, выделенная из кончика пальца, обладала насыщенным цветом и была наполнена истинной энергией и духовной силой. После того как Жун Чжоу выделил эту каплю, он позволил эссенции крови скатиться в нефритовый сосуд, чтобы передать её Ци Байшаню для употребления.

Ци Байшань всё ещё находился в глубоком сне, его грудь не подавала ни малейшего движения. Однако после того как ему влили эссенцию крови, его бледное лицо приобрело лёгкий румянец, а губы стали ярко-красными и мягкими.

Жун Чжоу скрыл холод в своих глазах:

— Друг Ци, должно быть, скоро проснётся.

Цзи Чжайсин слегка замялся:

— Испытание меча в лесу Ханьлинь...

В этот момент вмешался лекарь из Секты Бумэн:

— С талантом, как у друга Ци, он, конечно же, войдёт в десятку лучших. Секта уже подготовила его участие в соревнованиях на последний день.

Это была своего рода компенсация и уступка.

Цзи Чжайсин сдержанно ответил:

— Благодарю.

Темперамент Жун Чжоу, по сравнению с прошлым разом, явно стал более вспыльчивым. Увидев, что Цзи Чжайсин, похоже, намерен оставаться рядом круглосуточно, он нашёл предлог, чтобы отправить его отдыхать.

— В лечебном корпусе ночью никого не оставляют, — холодно сказал Жун Чжоу, полностью игнорируя недоумённый взгляд лекаря рядом.

Цзи Чжайсин, в определённой степени, не любил злоупотреблять привилегиями и с готовностью подчинился врачу.

Когда он возвращался, у входа в усадьбу его ждал ученик из Секты Бумэн.

— По приказу Старейшины я принёс вам это, уважаемый Цзи, — ученик в нефритовой короне слегка поклонился, с почтением протягивая нефритовую табличку. — С этим жетоном вы сможете свободно перемещаться по нашей секте.

Цзи Чжайсин спросил:

— Срок действия?

Ученик почтительно ответил:

— Не ограничен.

Это было знаком расположения и искренности Секты Бумэн к Цзи Чжайсину. Обычно только гости-старейшины, принадлежащие Секте Бумэн, удостоивались такого обращения. Предоставление столь обширных прав старейшине из другой секты было беспрецедентным.

Цзи Чжайсин, слегка задумавшись, всё же принял жетон. Его взгляд опустился, и он выглядел ещё более спокойным и умиротворённым.

— Благодарю.

С этим жетоном Цзи Чжайсин мог свободно перемещаться по секте и в любое время навещать Ци Байшаня.

Ци Байшань всё ещё лежал на кровати, его тело заметно похудело. Многие ученики Секты Юйшуй приходили навестить его, их глаза были полны беспокойства. Однако под молчаливым успокоением старшего брата Цзи они быстро становились решительными.

Холодные пальцы Цзи Чжайсина коснулись лба Ци Байшаня, и только тёплая температура юноши выдавала в нём признаки жизни. Чёрноволосый мечник выглядел спокойным, но его ресницы были опущены, а в глазах лежала тень, что делало его каким-то печальным. Это вызывало у всех, кто его видел, желание утешить его и сделать счастливым.

Даже обладая Золотым ядром и будучи бесстрашным, в такие моменты он казался одиноким и уязвимым.

На следующий день должно было состояться последнее испытание меча в лесу Ханьлинь.

Цзи Чжайсин поднялся и спросил Жун Чжоу:

— Если нужно, чтобы он проснулся до завтра... — Он слегка изменил формулировку:

— Сколько эссенции крови может выдержать даньтянь младшего брата Ци?

Жун Чжоу слегка отвел взгляд, он не хотел отвечать на этот вопрос. Но под настойчивым взглядом Цзи Чжайсина он, наконец, сказал с хрипотом в голосе:

— Девять капель эссенции крови.

Одна капля эссенции крови уже наносила значительный урон жизненной силе, а Цзи Чжайсин выделял её на протяжении шести дней. Его лицо выглядело измождённым и болезненным, совсем не как у могущественного обладателя Золотого ядра, а скорее как у изнеженного юноши.

Теперь же ему предстояло выделить ещё больше.

Цзи Чжайсин приложил лезвие к запястью, чтобы выделить густую эссенцию крови. На его коже, белой как снег, появилась ещё одна ярко-красная линия.

Раны, нанесённые этим специальным лезвием, вредящим телу практикующего, заживали не сразу. Жун Чжоу, глядя на многочисленные раны на пальцах Цзи Чжайсина и кровавую линию на запястье, не смог сохранить свою обычную холодность.

Лицо Цзи Чжайсина было бледным, он слегка опустил глаза, скрывая свои эмоции, так что никто не мог заметить его мимолётную растерянность.

В глазах Жун Чжоу Цзи Чжайсин выглядел совсем не так, как в тот день, когда они встретились в снегу. Он был бледным и слабым, как дух, одержимый болезнью, которого любой мог обидеть.

Однако он был сдержан и решителен, а его красота... была потрясающей.

Жун Чжоу сглотнул:

— Подойди, я перевяжу тебе рану.

Это был первый раз, когда Жун Чжоу предложил лечить его.

Цзи Чжайсин, хотя и был жестоким, не стал упрячиться. Он подошёл и сел рядом с Жун Чжоу, собираясь поднять руку, но обнаружил, что Жун Чжоу уже встал на колени перед ним, ловко взяв его левую руку.

Холодная и мягкая энергия проникла в раны Цзи Чжайсина, и кровь остановилась, хотя следы заживления были едва заметны. Губы Жун Чжоу слегка сжались, и он нанёс на раны мазь, прежде чем перевязать их.

Затем, как обычно, он начал выпроваживать Цзи Чжайсина.

Однако перед тем как тот ушёл, он протянул ему тонкий рецепт с лекарствами и травами,

которые помогали восстанавливать энергию и укреплять дух.

Цзи Чжайсин бегло просмотрел рецепт и спрятал его, спросив:

— Эти лекарства можно будет использовать, когда младший брат Ци проснётся?

Жун Чжоу слегка замолчал, затем сквозь зубы сказал:

— Они для тебя.

Ци Байшань проснулся вовремя.

Накануне финала испытания меча в лесу Ханьлинь он, наконец, открыл глаза и увидел профиль своего старшего брата Цзи, его прекрасное лицо и чёрные, как водопад, волосы.

Цзи Чжайсин также сразу заметил, что Ци Байшань очнулся.

Он вёл себя так, будто Ци Байшань просто проснулся от обычного сна, слегка улыбнулся и попросил стоящего рядом лекаря позвать Жун Чжоу.

Ощущение, когда магический инструмент пронзил его дантянь, всё ещё было свежо в памяти, и боль была незабываемой. Поэтому, увидев Цзи Чжайсина, Ци Байшань не сразу понял, жив он или мёртв.

Некоторое время он молчал, а затем начал жаловаться Цзи Чжайсину, как ребёнок.

Когда Жун Чжоу пришёл, он увидел, что Ци Байшань, как привязанный пёс, крутится вокруг Цзи Чжайсина, и в его глазах появился холод.

Он подошёл к ним.

Ци Байшань пролежал без сознания так долго, но чувствовал лишь слабость в теле. Он думал, что даже если вернётся с того света, его уровень мастерства наверняка пошатнётся. Однако его дантянь был наполнен истинной энергией, и даже начал формировать прочный фундамент, что было предвестником следующего уровня.

Кроме того, услышав, как старший брат Цзи спокойно рассказывает о судьбе Пин Цзюйшао, он избавился от последней тени сомнений и шутливо заметил:

— Он, наверное, сейчас жалеет. Он не смог убить меня, а моё мастерство только укрепилось.

Его шутливый тон разозлил Жун Чжоу. Тот лениво взглянул на него и сказал:

— Конечно, твоё мастерство не упало. Если бы ты, поглотив эссенцию крови культиватора с Золотым ядром, не смог бы достичь Заложения Основы, то был бы настоящим никчёмным.

Цзи Чжайсин, который всё это время с улыбкой слушал своего младшего брата, услышав такие резкие слова Жун Чжоу, слегка удивился и посмотрел на него.

На самом деле взгляд Цзи Чжайсина был лишён эмоций, он лишь удивился, почему Жун Чжоу вдруг заговорил об этом. Но Жун Чжоу, словно получив толчок, заговорил дальше:

— Ты думаешь, что твои раны не серьёзны? Посмотри, сколько эссенции крови твой старший брат потратил, чтобы спасти тебя, сколько энергии он потерял, и посмотри на его раны.

Не дожидаясь реакции Цзи Чжайсина, Ци Байшань, придя в себя, схватил его руку.

На той руке, которая обычно держала меч, была намотана слой за слоем тонкая повязка. Ци Байшань не осмелился её снять, его рука дрожала, и он представлял себе ужасные раны, словно видел их своими глазами. Его голос стал хриплым.

— Старший брат...

Даже в момент смерти он не плакал, но теперь его глаза покраснели, и он сдерживал слёзы, дрожа, прижав лицо к руке Цзи Чжайсина.

— Прости... прости меня.

Цзи Чжайсин на мгновение не понял, почему Ци Байшань так расстроен.

Он был человеком, которому трудно было сопереживать другим.

Цзи Чжайсин слегка помолчал, затем спокойно сказал:

— Когда я был тяжело ранен и очнулся, ты был рядом со мной. Теперь я рядом с тобой, разве это неправильно?

Ци Байшань почти не мог говорить.

Когда он понял, что Пин Цзюйшао хотел его убить, он не испытывал такой ненависти, как сейчас, когда он хотел вытащить виновника и разорвать его на куски.

Он также ненавидел свою слабость.

— Это всё моя вина, — в глазах юноши горел огонь, но они также были пустыми, как тёмная

бездна. — Впредь я не буду таким небрежным и мягкотелым.

И я никогда не позволю старшему брату снова пострадать.

<http://bllate.org/book/15565/1385412>